

Научная статья

УДК 821.352.3

DOI: 10.31007/2306-5826-2026-1-68-107-114

МИФОЛОГИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ РАССКАЗА «ВОДЯНАЯ БАБКА» АХМЕДХАНА НАЛОЕВА

Светлана Михайловна Алхасова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, alkhas55@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1773-285X>

© С.М. Алхасова, 2026

Аннотация. В статье рассматривается рассказ Ахмедхан Налоев «Водяная бабка» как значимый образец малой прозы писателя, в котором органично сочетаются элементы фольклорного сознания, психологического реализма и философского осмысления народного опыта. Предметом анализа становится художественная структура произведения, основанная на взаимодействии мифопоэтического и реалистического начал. В статье исследуется символика образа «водяной бабки» («псыхъэ нанэ»), восходящего к адыгским фольклорным представлениям о духах воды, а также приводится его художественная интерпретация в контексте современной прозы. Показано, что миф в рассказе не выступает как пережиток прошлого, а функционирует как живая форма культурной памяти, определяющая психологию героя и модели его поведения. Анализируются композиционная лаконичность текста, прием «пограничного состояния», особенности повествовательной манеры и стилистическая сдержанность, обеспечивающие атмосферу тревожного ожидания и философской незавершенности. Делается вывод о том, что рассказ «Водяная бабка» представляет собой художественный синтез фольклорной традиции и реалистической поэтики. Здесь наблюдается устойчивость мифологического мышления в структуре современного сознания и утверждается ценность народного опыта как основы духовной культуры.

Ключевые слова: Ахмедхан Налоев, «Водяная бабка», мифопоэтичность, композиция рассказа, фольклорное мышление, малая проза, эпизод бытовой жизни

Для цитирования: Алхасова С.М. Мифологическое осмысление рассказа «Водяная бабка» Ахмедхана Налоева // Вестник КБИГИ. 2026. № 1 (68). С. 107–114. DOI: 10.31007/2306-5826-2026-1-68-107-114

Original article

MYTHOLOGICAL UNDERSTANDING OF THE STORY “THE WATER GRANDMOTHER” BY AKHMEDKHAN NALOEV

Svetlana M. Alkhasova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, alkhas55@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1773-285X>

© S.M. Alkhasova, 2026

Abstract. This article examines Akhmedkhan Naloev's short story "The Water Grandmother" as a significant example of the writer's short fiction, which seamlessly combines elements of folkloric consciousness, psychological realism, and a philosophical understanding of popular experience. The article examines the work's artistic structure, based on the interaction of mythopoetic and realistic principles. The article explores the symbolism of the "water grandmother" (psikh'e nane), which originates from Adyghe folklore about water spirits, and offers an artistic interpretation of it in the context of contemporary prose. It demonstrates that myth in the story does not act as a relic of the past, but functions as a living form of cultural memory, defining the protagonist's psychology and behavior patterns. The article analyzes the text's compositional brevity, the use of the "borderline state," the narrative style, and the stylistic restraint that create an atmosphere of anxious anticipation and philosophical incompleteness. It is concluded that the story "The Water Grandmother" represents an artistic synthesis of folklore tradition and realistic poetics. It demonstrates the persistence of mythological thinking within the structure of modern consciousness and affirms the value of folk experience as the foundation of spiritual culture.

Keywords: Akhmedkhan Naloev, "The Water Grandmother", mytho-epic nature, story composition, folklore thinking, short fiction, episode of everyday life

For citation: Alkhasova S.M. Mythological understanding of the story "The water grandmother" by Akhmedkhan Naloev. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2026; 1 (68): 107–114. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2026-1-68-107-114

Малая проза, как форма художественного высказывания, занимает особое место в системе литературных жанров, обладая высокой степенью смысловой концентрации и выразительной лаконичностью. О прозе Ахмедхана Налоева писали в своих трудах и статьях А.Х. Мусукаева, Ю.М. Тхагазитов [Мусукаева, Тхагазитов 2010: 38], С.М. Моттаева [Моттаева 2011: 3] и другие. В рассказах, в отличие от романа или повести, А. Налоев не стремится к всестороннему изображению действительности, а, напротив, фокусируется на одном эпизоде, одной ситуации или одном психологическом состоянии, в котором, однако, отражается целостная картина мира. Именно поэтому исследование малых прозаических форм требует особого методологического подхода, сочетающего элементы научного анализа, стилистики, поэтики и культурологического контекста.

В национальных литературах, в том числе в кабардинской, малая проза играет важную роль как средство фиксации народного опыта, ментальных структур и традиционного мировосприятия. «Адыгская проза о Великой Отечественной войне сделала существенный шаг вперед. В центре внимания писателей оказался человек, становление в нем личности, эволюция человеческого характера, показанного на фоне сложных социально-исторических обстоятельств. Если в конце 40-х – начале 50-х годов появляются первые художественные прозаические произведения о войне, осмысляющие «только что» происшедшие факты, события и героические поступки, то в адыгской военной прозе 60–80-х годов решаются социально-нравственные вопросы, вопросы патриотизма, интернационализма, причем воссоздаваемые исторические события тесно связываются с современностью» [Макоева 2001: 9]. Вот почему особое значение в данном контексте приобретает творчество А. Налоева – одного из наиболее самобытных представителей малой прозы о Великой Отечественной войне в кабардинской литературе XX века. В его рассказах наблюдается органическое соединение реалистического изображения действительности с элементами фольклорного мышления, символизма и философской рефлексии.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью более глубокого осмысления механизмов взаимодействия фольклорного и литературного начал в малой прозе А. Налоева. Несмотря на то, что его творчество неоднократно становилось объектом научного анализа, ряд аспектов, связанных с поэтикой рассказа «Водяная бабка» и других его произведений, остаются недостаточно изученными.

Рассказ «Водяная бабка» представляет собой показательный пример художественного синтеза, в котором бытовой сюжет становится основой для более глубокого осмысления взаимоотношений человека и природы, рационального и иррационального, традиционного и современного сознания. В тексте показан целый комплекс проблем, связанных с мифологическим сознанием в условиях повседневной реальности, трансформацией фольклорных образов и их художественного воплощения в литературе.

Вопрос о взаимодействии фольклора и литературы является одним из ключевых в современном литературоведении. Согласно мнениям ряда исследователей, художественная литература, особенно в рамках национальных традиций, не только заимствует фольклорные мотивы и образы, но и перерабатывает их, создавая новые смысловые структуры. В этом процессе происходит своеобразное изменение мифа, приближение его к литературе, при которой архаические представления получают новое эстетическое содержание.

Фольклорный образ в литературном тексте выполняет несколько функций. Во-первых, он служит средством создания национального колорита и культурной идентичности. Во-вторых, он выступает как символическая форма, позволяющая выразить сложные психологические и мировоззренческие категории. В-третьих, он становится инструментом авторской рефлексии, позволяющим соотнести традиционное и современное, коллективное и индивидуальное. Это характерно и для рассказа «Водяная бабка».

Особое место в системе фольклорных образов занимают персонажи, связанные с природной стихией, – так называемые «духи» воды, леса, гор и т.д. В различных культурах эти образы имеют сходные черты: они амбивалентны, сочетают в себе как сберегающие, так и угрожающие функции, и выступают посредниками между миром человека и миром природы. В кабардинской традиции образ «водяной бабки» («псыхъэ нанэ» – «псыхъуэ нанэ») связан с представлениями о сакральности водной стихии, ее опасности и одновременно жизненной необходимости, так как вода – жизненно необходимый компонент существования человека.

Без сомнения, использование фольклорного персонажа «Псыхъуэ нанэ» в структуре рассказа «Водяная бабка» позволяет создать особый тип повествования, в котором границы между реальным и фантастическим размываются, плавно переходя в «Псыхъэ нанэ». Это, в свою очередь, способствует формированию многослойного художественного образа, где эти различные уровни смысла сосуществуют и взаимодействуют.

В рассказе «Водяная бабка» мы рассматриваем содержание с точки зрения вопроса, каким образом в тексте реализуется синтез фольклорного (мифологического) и реалистического начал? И какова функция образа водяной бабки в структуре повествования?

Проблема также заключается в необходимости выявления специфики идиостиля писателя, проявляющейся в его умении сочетать лаконичность формы с глубиной содержания. В условиях ограниченного объема рассказа автор достигает высокой степени художественной выразительности, что требует внимательного анализа языковых, композиционных и образных средств.

Рассказ «Водяная бабка» А. Налоева представляет собой яркий пример малой прозы писателя, в которой органично соединяются элементы фольклорного мышления, психологического реализма и философского осмысления народного опыта. Сюжет развивается как бытовой эпизод из деревенской жизни, постепенно наполняющийся тревожным, мифологическим смыслом.

Отгремела война, но двое сыновей Быши Дамасовой не вернулись домой. На старшего, Башира, она давно уже получила похоронку, выплакала все слезы. А вот о младшем – ни слуху, ни духу: *«Нет, не получала она похоронной бумаги на младшего. Давно уже нету от него ни слуху, ни духу, но Быша не верит, что сына*

убили: никто ведь не видел его смертного часа. Да и гаданье не раз укрепляло ее, что Хаути жив и вернется. Разве может человек, у которого есть надежда, чувствовать себя несчастным? – рассуждала старая Быша. – Если я Богу еще не совсем надоела, пусть пожалеет мои седины...» [Налоев 2002: 243].

И вот, спустя время, старушка получает письмо из-за границы: пишет ей младший, Хаути. Но письмо очень скупое, короткое: служит за границей, где по-прежнему стоит наша армия. Все у него хорошо, женился, родился наследник. В конверте лежит фотокарточка, на которой изображена женщина с ребенком. Соседи помогают написать ответное письмо, как мать ждет его, своего сына. Мол, возвращайся, как можно скорее домой, и скрась старость матери, нужна помощь в хозяйстве...

В ожидании сына проходят дни и месяцы. А его все нет. Старушка почернела, потемнела лицом, ее не узнать: ее, красавицу, которую когда-то в молодости звали Хабляцей... И тут ей приходит в голову спасительная мысль, за которую она цепляется: что, если сын вернется, а дома не будет свежей воды! В доме будет только застоялая вода?! И Быша начинает носить с реки воду, спускаясь с высокого обрыва, рискуя жизнью. Она носит воду и днем, в ясную погоду, и в ненастье, и в дождь, и в снег... Быша заполнила все ведра, все лоханки, кастрюли и миски... Вот так и прозвали ее в селе за это – «водоносная старушка»: *«Как же я могла позабыть?.. Почему не запасла свежей воды к приезду Хаути? Разве мало потребуется ее к торжественной встрече?.. Обрадовавшись, что вспомнила о таком важном деле, и тому, что ее рукам теперь найдется занятие, помчалась Быша с ведрами по воду. И днем несет, и ночью несет – в дождь и в слякоть, в снег и в ненастье. – Приедет Хаути, много воды понадобится стряпухам, – твердит Быша. Заполнив водой все, что можно заполнить, принимается она опорожнять лохани и ведра, кастрюли и миски, и снова тащит, расплескивая по дороге»* [Налоев 2002: 247].

Произведение построено на тонком взаимодействии мифопоэтического и реального начал, что позволяет автору раскрыть глубинные механизмы народного сознания и показать, каким образом наивные архаические представления продолжают жить в современной человеку действительности. Ведь сельчанам, простым людям, не приходит в голову, что младшему сыну Быши, служащего в Германии, не так-то просто взять и приехать домой, что это – военная служба, там свои законы и правила.

В основе рассказа лежит образ «водяной бабки» («водоносной старушки» – «псыхэ нанэ»), персонажа, восходящего к традиционным мифологическим и языческим представлениям о духах воды в адыгском фольклоре. В народном воображении подобные существа нередко наделяются амбивалентной природой: они могут быть как опасными, враждебными человеку, так и охранительными, связанными с сакральным порядком мира. А. Налоев сознательно избегает однозначной трактовки этого образа, превращая его в художественный символ, в котором переплетаются страх, память и нравственный опыт поколений.

Сюжет рассказа выстраивается вокруг бытовой, на первый взгляд, ситуации, однако постепенно она наполняется тревожным подтекстом. Реальное пространство – вода, высокий берег, движение человека вблизи опасной стихии – становится границей между рациональным и иррациональным. Здесь особенно заметен прием «пограничного состояния», характерный для прозы А. Налоева: героиня находится между верой и сомнением, между рациональным объяснением происходящего и внутренним подчинением мифу, унаследованному от предков. В этом напряжении и раскрывается философская глубина текста.

Образ Быши (Хабляцы) Дамасовой в рассказе лишен героизации. Он типичен и потому легко соотносится с народом, носителем традиционного сознания. Столкновение героя с образом водяной бабки становится не столько внешним событием, сколько внутренним переживанием, пробуждающим архаические страхи,

укорененные в подсознании. Через это переживание А. Налоев показывает, что миф не исчезает с развитием цивилизации, а лишь меняет формы своего присутствия, продолжая воздействовать на поведение и мышление человека.

«Обращаясь к неярким, неприметным характерам и судьбам, писатель стремится к углублению проблематики в осознании случившейся трагедии, делая центром повествования тему духовных утрат и обретений, связанных с ней («Водяная бабка», «Памятник»))» [Шевлоков 2003: 299].

Кульминационный момент связан не с конкретным действием, а с внутренним переломом в сознании героя, когда Быша хватается за мысль, неожиданно пришедшую голову. Реальность начинает восприниматься сквозь мифологический образ старушки, ожидающей возвращения сына. В финале рассказа не происходит никакой развязки, что усиливает философский характер рассказа и побуждает читателя к интерпретации. Старушка по-прежнему носит воду с реки и продолжает ждать своего сына...

Если сопоставлять рассказ с адыгским фольклором, то наиболее продуктивным будет сравнение с поверьями о водяных духах («Псыхуэ гуащэ» – «Псыхуэ Нанэ»), где вода осмысливается, как сакральное и опасное пространство; мифологическими женскими образами, связанными с природными стихиями.

Язык и стиль рассказа подчинены задаче создания особой атмосферы. А. Налоев использует скупые точные описания, избегая избыточной образности. Лексика нередко окрашена фольклорными интонациями, что усиливает ощущение связи текста с адыгской устной традицией. При этом повествование остается реалистичным, что позволяет мифологическому образу органично встраиваться в ткань повседневной жизни и восприниматься как естественная часть мироощущения героя.

Идейное содержание рассказа «Водяная бабка» связано с осмыслением культурной памяти и преемственности традиции. А. Налоев показывает, что мифологические представления не являются пережитками прошлого, а продолжают выполнять важную функцию, формируя нравственные запреты и модели поведения людей. Образ водяной бабки в рассказе выступает как символ несломленной силы (невзирая ни на что, мать ждет сына домой), требующей уважения и осторожности. Он напоминает, что границы вмешательства в психологию человека носят сакральный характер, и должны быть обязательно соблюдены. Ведь никто не может помочь одинокой и несчастной старушке, хотя пытались, и не раз. К примеру, специально посланная к ней квартироваться учительница. Женщина не раз пыталась сблизиться со старушкой-матерью, найти с ней общий язык, достучаться до ее души. Но все было напрасно. Когда учительница подошла к ней и завела разговор, Быша резко, и даже грубо оттолкнула, прогнала и не подпустила ее к себе.

Во фрагменте, где мать, не получив никаких вестей от младшего сына, все больше верит в то, что он живой, фиксируется принципиально важная для понимания образа героини установка: отсутствие доказательства смерти становится основанием для сохранения надежды. Более того, рациональные аргументы (длительное отсутствие известий) уступают место иррациональным – вере в гадание, предсказание, в возможность чуда.

Эта внутренняя установка получает философское обобщение в размышлениях Быши: она уже не может чувствовать себя несчастной, ведь у нее есть надежда. В данном высказывании сконцентрирована жизненная позиция героини. Надежда выступает не просто как эмоциональное состояние, но как способ существования, как форма сопротивления трагической реальности. Вера в возвращение сына становится для нее единственным механизмом сохранения внутренней целостности.

Ситуация усложняется с появлением письма от Хаути. Сам факт письма, казалось бы, должен снять напряжение, внести ясность. Однако художественная логика А. Налоева иная: письмо оказывается предельно лаконичным, почти безличным.

В нем отсутствует эмоциональная насыщенность, которая могла бы восстановить разрушенную связь между матерью и сыном. Более того, содержание письма (служба за границей, женитьба, рождение ребенка) фактически фиксирует отдаление Хаути от родного дома, от материнского мира. Таким образом, письмо не становится актом воссоединения, а, напротив, усиливает драматизм ситуации. Оно порождает иллюзию близости, которая не подкрепляется реальным присутствием. Мать получает знак о жизни сына, но не получает самого сына. Это противоречие становится одним из центральных в структуре рассказа.

Дальнейшее развитие сюжета связано с ожиданием, которое постепенно приобретает патологический характер. Время в рассказе как будто «растягивается»: «в ожидании сына проходят дни и месяцы», но ситуация качественно не меняется. Именно в этом состоянии затянувшегося ожидания происходит психологический перелом. Ключевым становится момент возникновения «спасительной мысли»: необходимость запастись свежей водой к приезду сына. На первый взгляд, эта мысль выглядит бытовой, даже тривиальной. Однако в контексте внутреннего состояния героини она приобретает символическое значение. Это не просто забота о хозяйстве – это способ материализовать ожидание, придать ему конкретную форму. *«Как же я могла позабыть?.. Почему не запасла свежей воды к приезду Хаути? Разве мало потребуется ее к торжественной встрече?..»* [Налоев 2002: 247], – говорит про себя Быша. Здесь демонстрируется, как мысль постепенно превращается в навязчивую идею. Важно отметить, что речь идет именно о «торжественной встрече», что свидетельствует о том, что в сознании Быши возвращение сына уже не является гипотезой – оно становится внутренне переживаемой реальностью.

Действие героини – бесконечное ношение воды – приобретает характер ритуала. Повторяемость этого действия (*«и днем несет, и ночью несет – в дождь и в слякоть, в снег и в ненастье»*) подчеркивает ее выход за пределы рационального поведения. Это уже не труд, не необходимость, а форма существования, в которой воплощается ее вера. Особенно показателен эпизод, в котором Быша, наполнив все емкости, начинает их опорожнять, чтобы снова наполнить: *«Заполнив водой все, что можно заполнить, принимается она опорожнять лохани и ведра... и снова тащит»* [Налоев 2002: 248]. Данный фрагмент имеет глубокий символический смысл. Он отражает замкнутость внутреннего состояния героини, невозможность завершения действия, бесконечность ожидания. В этом циклическом движении проявляется трагизм ее положения: она не может ни прекратить ждать, ни дожждаться.

А. Налоев не вводит мифологический элемент напрямую, но создает условия для его возникновения в сознании читателя. Поведение Быши начинает восприниматься как нечто выходящее за пределы нормы, как проявление иной, архаической логики. Таким образом, героиня сама становится воплощением мифологического образа, не переставая при этом быть реальным человеком.

В этом контексте особенно значим прием «пограничного состояния», характерный для прозы А. Налоева. Быша находится между знанием и незнанием, между верой и сомнением. Она как бы удерживается в промежуточном состоянии, не переходя окончательно ни в одну из сторон. Именно это состояние и становится источником философской глубины произведения.

Кульминация рассказа носит внутренний характер. Она связана не с внешним событием, а с изменением восприятия реальности героиней. Именно в момент, когда мысль о воде становится доминирующей, происходит окончательное смещение ее сознания в сторону мифологического мышления.

Финал рассказа принципиально открыт. Отсутствие развязки усиливает философский характер произведения. Читатель не получает ответа на главный вопрос – вернется ли Хаути. Однако в логике текста этот вопрос утрачивает значение. Важнее другое: сам процесс ожидания, превращенный в форму существования.

Идейное содержание рассказа связано с проблемой культурной памяти и устойчивости традиционного сознания. А. Налоев показывает, что мифологические представления не исчезают с развитием общества, а продолжают функционировать, определяя поведение людей в критических ситуациях. Образ «водяной бабки» становится символом не только страха, но и стойкости. В нем соединяются боль утраты, надежда и внутренняя сила. Быша не сдается, не отказывается от ожидания, несмотря на очевидную безнадежность. В этом проявляется своеобразный нравственный код, укорененный в народной культуре.

Таким образом, рассказ «Водяная бабка» А. Налоева является значимым примером художественного синтеза фольклора и реалистической прозы. Через минималистическую форму короткого рассказа и насыщенный символизм писатель раскрывает сложные процессы взаимодействия мифа и современного сознания, утверждая ценность народного опыта как основы духовной культуры. Произведение демонстрирует характерную для А. Налоева ориентацию на внутренний мир человека и его связь с коллективной памятью, что делает рассказ важной частью литературоведческого анализа в контексте развития национальной прозы.

Список источников и литературы

- Макоева 2001 – *Макоева А.Х.* Проблема «Человек и война» в художественном решении адыгской прозы: автореф. дис. ... канд. филол. н. / 10.01.02. Нальчик: КБГУ, 2001. 21 с.
- Мусукаева, Тхагазитов 2010 – *Мусукаева А.Х., Тхагазитов Ю.М.* Эволюция жанра романа в кабардинской литературе 50–80-х гг. Нальчик: КБНЦ РАН, 2010. 62 с.
- Моттаева 2010 – *Моттаева С.* Писал жизнь с натуры // Кабардино-Балкарская правда. 2010, 10 августа.
- Налоев 2002 – *Налоев А.Х.* Водяная бабка. Рассказ. // Налоев А.Х. Избранное: повести, рассказы в 2-х томах. Т. 2. Нальчик: Эльбрус, 2002. 296 с.
- Шевлоков 2003 – *Шевлоков П.Ж.* Налоев Ахмедхан Хамурзович // Писатели Кабардино-Балкарии: XIX – конец 80-х гг. XX в.: Биобиблиографический словарь. Нальчик: Эль-Фа. С. 299–301.

References

- MAKOEVA A.Kh. *Problema «Chelovek i vojna» v xudozhestvennom reshenii ady`gskoj prozy*: avtoref. dis. ... kand. filol. n. [The Problem of “Man and War” in the Artistic Solution of Adyge Prose: Abstract of a Dissertation for a Candidate of Philological Sciences / 10.01.02]. Nalchik: KBSU, 2001. 21 p. (In Russian)
- MUSUKAEVA A.Kh., THAGAZITOV Yu.M. *E`volyuciya zhanra romana v kabardinskoj literature 50–80-x gg.* [Evolution of the Novel Genre in Kabardian Literature of the 1950s–1980s]. Nalchik: KBSC RAS, 2010. 62 p. (In Russian)
- MOTTAIEVA S. *Pisal zhizn` s natury`* [He Painted Life from Life]. IN: Kabardino-Balkarian Pravda. 2010, August 10. (In Russian)
- NALOEV A.Kh. *Vodyanaya babka. Rasskaz* [The Water Grandmother. A Short Story]. IN: Naloev A.Kh. Selected: stories, short stories in 2 volumes. Vol. 2. Nalchik: Elbrus, 2002. 296 p. (In Russian)
- SHEVLOKOV P.Zh. *Vodyanaya babka. Rasskaz* [Naloev Akhmedkhan Khamurzovich]. IN: Writers of Kabardino-Balkaria: 19th – late 1980s: Biographical Dictionary. Nalchik: El-Fa. Pp. 299–301.

Информация об авторе

С.М. Алхасова – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы.

Information about the author

S.M. Alkhasova – Doctor of Science (Philology), Leading Researcher of the Sector of Kabardino-Circassian Literature.

Статья поступила в редакцию 20.03.2026; одобрена после рецензирования 29.03.2026; принята к публикации 30.03.2026.

The article was submitted 20.03.2026; approved after reviewing 29.03.2026; accepted for publication 30.03.2026.